

ОБЩАЯ СЕМАНТИКА ПАДЕЖА КАК ГЕНДЕРНЫЙ МАРКЕР ОДНОГО ТЕКСТА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В работе демонстрируется то, как грамматическая семантика падежа становится одним из средств разрушения маскулинной речевой маски, используемой М.Цветаевой в стихотворении 1923 года «О путях твоих пытать не буду...», текст которого представляет собой обращение Иисуса Христа к Марии Магдалине.

Падежи русского языка располагаются в порядке убывания частоты встречаемости в текстах следующим образом: именительный, винительный, родительный, предложный, дательный, творительный. В стихотворении М. Цветаевой этот порядок иной: родительный (7 словоформ), творительный (5), винительный (4), именительный (3), предложный (2), дательный (1). Родительный и творительный падежи, занимающие соответственно третью и шестую позицию в общем списке, у Цветаевой в тексте занимают первые две позиции. Р.О. Якобсон пишет о том, что ни один язык индоевропейской семьи никогда не имел точную и последовательную систему падежных значений. Поэтому он считает падеж чисто грамматической (синтаксической) категорией, а не понятийной в настоящем смысле слова. Но, возможно, в поэтическом тексте, где формальные признаки выполняют содержательную функцию (ритмы стимулируют семантизацию), падежная семантика способствует смыслообразованию.

Проанализируем семантику *родительного и творительного падежей*. Наибольшее число существительные стоит в форме родительного падежа (7 лексем: *волос*, *слез* /I/, *тела* /II/, *вод*, *трав*, *нежностей* /III/, *без льна* /IV/). Родительный падеж отражает относительно пассивное участие в действии (абсолютно пассивное – выражено винительным падежом). Родительный падеж так же, как именительный и винительный, является *центральным* падежом, но находится на границе центральных и периферийных падежей. В классификации Р. Якобсона родительный падеж является *однопризнаковым, определенным, объемным*, то есть указывает на ограничение объема предмета: предмет не в полном объеме участвует в содержании высказывания. Иными словами, родительный падеж – *синекдохический* падеж, так как объем участия предмета в содержании высказывания меньше его (предмета) полного объема. Наиболее ярко синекдоха проявляется в приименном родительном падеже, потому что имя, от которого зависит родительный падеж, ограничивает объем предмета или абстрагирует от предмета какое-либо из его свойств (проявление: *слово человека*; состояние: *разгром армии*; принадлежность:

картина художника; окружение: *сосею музыканта*). Иногда происходит наоборот: носитель свойства абстрагируется от свойства (*человек слова*). Спецификой родительного падежа является то, что только он может быть подчинен чистому, свободному от каких-либо глагольных оттенков имени. Типичный родительный падеж – приименной родительный. В стихотворении Цветаевой четыре раза встречается присубстантивный родительный падеж (*ливнями волос и слез; волною тела; наклону нежности*). Два существительных из трех – это отглагольные морфологические дериваты (*ливнями; наклону*), поэтому можно предположить, что в двух случаях в семантике родительного падежа присутствует не только определительное, но и субъектное значение (*ливнями волос и слез*). В двух случаях в семантике родительного падежа доминирует определительное значение (*наклону нежности; волною тела*), в двух случаях родительный падеж при прилагательных в сравнительной степени имеет периферийное значение необходимо восполняющей формы (*тише вод и ниже трав*), приглагольный родительный имеет объектное значение при отрицании (*спеленай... без льна*). В приглагольном родительном предмет остается вне содержания высказывания, то есть отрицательно участвует в содержании высказывания (*спеленай... без льна*). В приименных родительных обозначена пространственная граница участия предмета в содержании высказывания: движение по вертикали вниз (*ливнями волос и слез*), протяженность по вертикали вверх (*ниже трав*), подобие формы как представление категории пространства (*волною тела*), пространственно-двигательное представление проявления чувства (*наклону нежности*), акустическая характеристика, в основе которой лежит пространственное представление об амплитуде колебаний звуковой волны (*тише вод*).

Творительный падеж отражает активное участие в деятельности, но эта деятельность является зависимой или опосредствованной. Творительный падеж является периферийным, синтаксическим (как дательный и предложный падежи), формы творительного падежа выражают семантические оттенки и выступают в функции обстоятельств и реже – косвенных дополнений, творительный падеж обозначает лишь условия действия (время, место, способ, орудие, источник, движущую силу действия), он может выражать соотношение части и целого (*помолодеть душой*), он всегда играет побочную роль в содержании высказывания. Творительный падеж является *однопризнаковым, неопределенным*, то есть неясно, участвует ли падежная форма в содержании высказывания. Именно творительный падеж образует две из трех самых устойчивых падежных оппозиций: Т : И; Д : Т. Неопределенные (ненаправленные, необъемные) Т : И противопоставлены как периферийный и центральный; периферийные Д : Т противопоставлены как направленный (определенный) и неопределенный, причем Т. и Д. наиболее четко и последовательно противопоставлены фонологически.

В творительном падеже стоит пять имен существительных анализируемого текста: *ливнями* /I/, (*какой*) *ценою, волною, стеною* /II/, *персатми* /III/.

Творительный падеж – *синекдохический* падеж, так как он выражает частичную функцию, эпизодическое свойство. В выражениях: *перстами трону*=дотрону, прикоснусь; *ливнями волос*=волосами; *волною тела*=телом, как *стеною*=прочно, наглухо – синекдоха заключается в том, что называется не часть от целого, а используется один семантический признак (одна сема). Очевидно, в любом сравнении присутствует «понятийная» синекдоха – на этом и основана метафоричность. Именно периферийность творительного падежа способствует постепенному превращению форм творительного в наречия, ср.: *какой ценою*=как.

Все названные формы творительного падежа имени обладают разными частными падежными значениями: способа действия с усилительным значением (*какой ценою*), сравнения (*как стеною*), сравнения и отождествления (*ливнями, волною*), инструментальным (*перстами*). Но все пять частных значений сводятся к двум более общим значениям: объектно-определятельному и обстоятельственно-определятельному. Объектное значение орудия осложнено определятельным значением способа действия (*обула ливнями; волною...как стеною обнесла; перстами трону*). Обстоятельственное значение также осложнено определятельным значением способа действия (*какой ценою*). Формы творительного падежа со значением сравнения и отождествления создают оппозицию сразу по двум признакам: привативную оппозицию по признаку производности – непроизводности (*ливнями – волною*), эквивалентную оппозицию по пространственному признаку (*ливнями /динамика, движение/ – волною /форма/*). Обе формы творительного падежа со значением сравнения и отождествления (*ливнями, волною*) оппозитивны форме творительного падежа со значением сравнения (*как стеною*) по признакам «форма существования материи» и «динамичность – статичность» или «изменчивость – постоянство» (*ливнями, волною /жидкое, динамичное, изменчивое/ – как стеною /твердое, статичное, неизменное/*).

Феминность семантики наиболее частотных падежей в тексте Цветаевой проявляется в том, что оба падежа – *синекдохические*: один *объемный*, второй *периферийный*. *Неполнота представления предмета, ограничение объема предмета в родительном падеже и побочная, эпизодическая роль предмета в содержании высказывания в творительном падеже* прямо коррелирует с психологическим феноменом: отсутствию конструктивной доминантности в женской речи. Маскулинная маска с одновременной декларацией акционального феминного лидерства в содержании текста противоречит не только феминным особенностям лексико-семантической структуры текста, его содержания, но и скрытой, неявной грамматической падежной семантике наиболее частотных падежей.

Грамматическая семантика родительного и творительного падежей в свою очередь противоречит коммуникативной цели текста: признанию важности заслуг Марии Магдалины перед Христом. Падежная семантика разрушает осознанную установку на доминирующую роль женщины и подчерки-

вает неосознанную феминность. Таким образом, грамматическая семантика падежа разрушает декларативную феминность (установку на женскую доминантность) и одновременно подчеркивает, усиливает феминные особенности текста (компенсаторную маргинальность и реляционность).